

ПОДЪЁМНАЯ СИЛА

Пётр Бурлакин

Петр Бурлакин

Подъемная сила

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69802927

SelfPub; 2023

Аннотация

Фантастический роман "Подъемная сила" погрузит Вас в недалекое, но прогрессивное будущее человечества, в котором скромный быт составляет компанию высоким технологиям, основанным на фундаментальных представлениях о физике. Данная книга предназначена для сильных духом читателей, которые готовы совместно с главным героем пережить невзгоды военного, а потом и коммерческого пилота Федерации Земных Миров. Окупись с Алексом в шпионские интриги, тяготы принятия непростых решений, переступи через закон в угоду своим интересам, но в конце концов исполни свой долг, пожертвовав многим. Произведение посвящено настоящим друзьям.

Содержание

ГЛАВА 1. ИЗ ПУНКТА «А» В ПУНКТ «Б».	5
ГЛАВА 2. ПОЙДЕМ ПОЖУЕМ.	26
ГЛАВА 3. В ПОРТУ.	44
ГЛАВА 4. ИГРЫ В ВОЙНУ.	59
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Петр Бурлакин

Подъемная сила

Подъемная сила – проекция главного вектора аэродинамических сил, приложенных к обтекаемой поверхности тела, на нормаль к направлению его движения. Объяснение механизма образования и определение подъемной силы (так же, как и сопротивления аэродинамического) являются фундаментальными проблемами аэродинамики. Одна из составляющих полной аэродинамической силы, перпендикулярная вектору скорости движения тела в потоке жидкости или газа, возникающая в результате несимметричности обтекания тела потоком.

ГЛАВА 1. ИЗ ПУНКТА «А» В ПУНКТ «Б».

Желтый предупреждающий огонек на приборной панели погас, информируя о том, что груз и не многочисленная команда в безопасности. Переживания схлынули. В комнате потемнело, корабельное освещение стало менее интенсивным и вошло в тёплый спектр. Больше не требовалось видеть каждый миллиметр, кабина будто стала объемнее, уютнее, снова подступили обычные темные углы, скрывая аскетичность пульта управления. Опять просто везем груз из пункта «А» в пункт «Б». По правде говоря, в экипаже был только один человек. Скукотища. То, что груз опасный и мы летим в пустоте космоса на огромные расстояния с не менее огромной скоростью, никого, как и водится, не волнует – проблемы индейцев шерифа не касаются.

Естественно, этот единственный в экипаже человек являлся капитаном корабля. Звали его Алекс Покрышев. Не смотря на то, что в свои сорок восемь лет Алекс считал себя молодым и перспективным капитаном, волосы на голове уже разбавляла легкая проседь, а на макушке те и вовсе редели. Требуется сказать, что там откуда капитан Покрышев был родом он и правда мог считаться довольно молодым, так как люди на его Родине жили намного дольше. В высоком тем-

новолосом мужчине крепкого телосложения без труда угадывалась сформированная годами военная выправка. В любом порту его легко можно было спутать с капитаном круизного лайнера или военного крейсера, в подчинении которого находится огромная команда. Можно было бы спутать, если бы только он не был капитаном-одиночкой в компании «Крылья».

Уникальность компании «Крылья» заключается в том, что она обеспечивает доставку от места отправления до места назначения без дополнительных переключений и перетарок в ходе транспортировки и несет ответственность на всем протяжении доставки. Что? Ничего не понятно? Давайте-ка я вам объясню. Всего существует четыре вида перелетов: Внутрипланетарные, орбитальные, внутрисистемные и межзвездные. Очень не большое количество кораблей может осуществлять все четыре вида полетов из-за большой технической сложности процессов. Еще меньше пилотов квалифицированы для осуществления подобной транспортировки. Кроме того, доставка не всех видов грузов разрешена, например, выведением на орбиту посредством ракетносителя. Представьте, что Вам нужно доставить взрывчатое вещество или опасные материалы, явно, доставка их до орбиты посредством ракетносителя, когда под ракетой взрываются и горят сотни тонн ископаемого топлива, не будет считаться безопасным. Также, переключки груза с одного вида транспорта на другой посредством станций или стыковок за-

нимает кучу времени. Услуги компании «Крылья» исключали все подобные риски, а на Земле, в частности, запуск ракетоносителей и вовсе был запрещен в целях безопасности и экологии. Мы доставляем небольшие, часто опасные грузы за очень дорого. Это устраивает всех, и, в том числе пилотов, потому что наше жалование в среднем в двадцать раз выше, чем среднее по Федерации и порядка семи раз больше, чем среднее на Земле. И, наверное, нет нужды говорить, что к пилотам предъявляется высокий уровень требований, боевой опыт приветствуется.

Синей клюковки пожевать что ли? Или музыку послушать? Ну, насчет клюковки то сразу нет, мы решили, что ее нужно бросать, она хоть и разрешена законами всех Земных планет, но, “не является для Вас универсальным успокоительным” -, всплыл в голове голос корабельного ассистента, обходится дорого, вызывает сильное привыкание и вредит здоровью. А вот музыку можно было бы и послушать.

– Что поставить, капитан? – спросил корабельный ассистент.

Ох уж эти мне обучаемые программы, неужели я настолько предсказуем? Конечно же, проверенное временем из лучших своих времен. Заиграла электронная музыка, датированная началом 21 Века, откуда я ее взял только, на какой-то ярмарке купил что ли или блошином рынке... Она полилась, заколебалась, завибрировала из полосок динамиков под потолком, наполнила чувством безопасности, той привычно-

сти и ощущениями, которые может дать только дом, наш с женой земной Дом, как же он сейчас далеко... Нас отделяют сотни световых лет, десятки часовых суток, полётных рационов, несколько попутных фрахтов и Бог его знает сколько нештатных ситуаций и сожженных снаружи и внутри корабля нервных клеток.

Снаружи корабль представлял собой сплюснутую каплю или зерно миндаля тут уже кому как больше нравится. Вытянутая на восемнадцать метров вперед капля с рудиментарными недлинными крыльями, развернутыми вперед. Крылья оканчивались двигателями, заключенными в две продолговатые обтекаемые гондолы. Впрочем, в карме располагался еще один двигатель, обозначенный узкой полоской наподобие забрала. Весь корпус корабля имел закругленные обтекаемые формы, а его материал точь-в-точь походил на отполированный хром и переливался на свету. Смотровое окно не было никак отличимо снаружи, а только изнутри могло становиться прозрачным, тонированным или преобразовываться в экран частично или полностью. Если бы не внешний вид и цвет, то аппарат легко можно было бы спутать с его военным прототипом.

Все внутреннее пространство летательного аппарата можно описать как песочные часы. Пилотский, он же жилой отсек соединялся с грузовым посредством сужающегося тоннеля. Пространство пилота находилось в носовой части и по мере приближения к смотровому иллюминатору сужалось,

потолок становился все ниже, переходя в панель управления, которая была увенчана аналоговыми тумблерами и лампочками, дублирующими функционал сенсорного экрана. Декоративное убранство сочетало в себе применение современных полимерных материалов и металла с отделкой из натуральных природных вещей таких как деревянные панели, кресла, обтянутые кожей и ткань, покрывающую стены жилого отсека. Выглядело роскошно, в быту – практично. Получилось просто замечательно.

На самом деле Алекс только дополнил разрушенные элементы интерьера своими идеями. Когда прапорщик Академии впервые привел его на стоянку законсервированных машин, обшивка летательного аппарата, как и многое из внутреннего убранства было повреждено. Деревянные панели растрескались, на ложементе валялись ошметки полетного комбинезона, палуба была чем-то уделана, а блок ИИ и вовсе выгорел полностью. Что его могло так перегрузить? Может быть скачок напряжения? Так или иначе, все это пришлось заменить.

Генераторы двигателя постоянного цикла посвистывали, поскрипывали, шумели в такт музыке. Как говорили в пилотской Академии: «Генераторы двигателя постоянного цикла отвечают за рециркуляцию мощности двигателя постоянного цикла, который служит для внутрипланетного маневрирования, такие генераторы присутствуют на любом космическом судне, начиная с кораблей дальней орбиты, по-

могают пилотам-одиночкам не сойти с ума своим бесконечным шелестом.»

Груз, и правда, был довольно опасный – Гелий 4 также известный как солнечное вещество. Квадрат размером 20x20 сантиметров был надежно закреплен по центру грузового отсека. Такой не большой объем заключал в себе массу 30 тонн и был в 150 раз тяжелее воды. Ценность Гелий 4 имел по истине не заурядную – в сочетании с обычным водородом и при определенных условиях мог вступить в протон-протонную термоядерную реакцию и столетиями выделять огромное количество энергии. Для понимания – такие реакции не прекращаются на Солнце. Эта батарейка способна сотни лет питать огромный мегаполис.

Захотелось поесть, нужно позавтракать.

– Голосовое управление.

– Слушаю вас.

– Программа питания №4, бездушная стерва.

– Запрос непонятен, повторите.

– Программа питания №4.

– Время до исполнения 8 минут.

Внутри фудгенератора, ожило, закрутилось круглое блюдо, загорелся свет. Хорошо покушать на завтрак обед правда ведь? Мне нравится. Синтезированные сосиски весело скрипели на зубах. Умей радоваться мелочам – не гласное правило пилотской общаги. Не плохие, получились для синтезированных то, сама готовила, «домашние», сказала бы сейчас

жена. Пищу принял. Много ли надо мужчине, когда рядом нет его женщины? Пищу принять. На приборной панели снова загорелся предупреждающий огонек, я стукнул по нему кулаком, поставив в собственной голове галочку – проверить грузовой отсек на герметичность. Позже, исчезни. Пожевал клюковки. Немного закружилась и загудело в голове, как бывает после ее употребления, побродил по кабине. Вернулся на рабочее место:

– Голосовое управление.

– Слушаю вас.

– Запустить диагностику всех электронных систем корабля.

– Расчетное время до исполнения 39 минут. – в голосе помощника прорезался, вспыхнул холодный металл. Тон стал в разы серьезнее.

– Отмена. Новая установка. Проверить электронные системы по узлам от предупреждающего индикатора герметичности грузового пространства. Все системы.

– Расчетное время исполнения 9 минут, – так же твердо ответил помощник.

– Приступить.

Нужно сказать, что личность голосового помощника еще не была до конца сформирована, процесс занимал не малое время. В ходе него искусственный разум постепенно приходил к осознанию собственной личности. Какого он пола, кто он и как разговаривает. Однако, никогда ИИ не мог считать-

ся самостоятельным. Свободы действий, как таковой, он не имел. Не умел импровизировать и принимать собственные решения, действовать без команды.

9 минут я смотрел на закрытую амбразуру иллюминатора, экран транслировал, «пейзаж за окном», отрисованный детской рукой. Проверка закончилась вовремя.

– Капитан.

– Слушаю помощник.

– Проверка закончена. Критических ошибок не выявлено. В какой форме предпочитаете ознакомиться с информацией? – ее голос снова приобрел женские, приятные интонации, металл и синтетика работа ушла.

– Вывести на бумаге.

– Предупреждение о рациональном использовании ресурсов.

– Исполнять.

Мне нравится на бумаге. Так мне проще воспринимать информацию технического характера. Из щели в стене слева от пилотского кресла, также называемого ложементом, выехал лист бумаги. Я забрал его, подождал следующего, следующего не оказалось, видимо, и правда ничего серьезного. Я пробежался глазами по напечатанному:

«Задача: проверить электронные системы по узлам от предупреждающего индикатора герметичности грузового пространства, все системы. В ходе исполнения задачи выявлены следующие неисправности: Цоколь-коннектор светово-

го индикатора, ошибка отклика датчика кислорода в грузовом отсеке. С осторожностью к возможной не герметичности грузового отсека».

Вот тебе и рано было радоваться, поздно пить боржоми. По мнению бортового компьютера это проблема, конечно, пустяковая, пилот в безопасности, груз согласно датчикам массы и датчикам объема грузового отсека чувствует себя нормально, то, что мы можем его потерять и создать опасность для какой-нибудь обитаемой планеты, безусловно, печально, но это всего лишь желтая лампочка – предупреждающий уровень. Да... Устранение таких неисправностей одному в условиях полета это пару суток, наверное, займет. Эх сейчас бы на орбитальную верфь, там бы за пару часов все решили хоть и содрали бешенные деньги. Оценив масштабы катастрофы, пожалев себя, почесавшись, я пошел готовить инструменты и обмундирование для того, чтобы приступить к ремонту.

– Голосовое управление.

– Слушаю вас.

– Новостной канал.

«По данным Федерации Земных Миров, после длительной подготовки, включающей терраформирование и инкубаторное размножение, численность колонистов планеты Кеплер-452b также известной как Земля 3.0, располагающейся на орбите звезды Кеплер-452 в созвездии Лебедя, достигла 10 000 человек и, с данного момента теперь может но-

свить гордое звание Колонии. Напомним, что первые спускаемые аппараты с оборудованием достигли поверхности пять лет назад. Планета земного типа была обнаружена на расстоянии 1400 световых лет от нашего материнского мира. Пять долгих лет Федерация, преодолевая трудности, вместе работала над большой и очень важной для всех граждан целью. Наблюдение за миром началось в далеком 2009 году. Земля 3.0 стала 26 полноценной колонией, она на 60% больше Земли и потенциально способна вместить до 15 миллиардов человек, богата редкоземельными металлами и ископаемым топливом. Мы надеемся, что процессы по расширению нашей великой Родины, запущенные годы, в скором времени принесут-таки свои плоды. Президентом Федерации уже подписан проект по открытию в системе Кеплер-452 кротовой норы.»

Два полных рабочих дня пролетели как 2 минуты, я почти не позволял себе времени на сон и приём пищи. Лучше поднажать сейчас, чтобы пораньше закончить и потом сразу отдыхать. Ремонт оказался сложным, как я его и оценил, перед тем как приступить. Заменяв цоколь-коннектор и перебрав все шины от светового индикатора до датчика кислорода в грузовом отсеке, выявилась неисправность последнего, данный датчик незамедлительно отправился в открытый космос, ждать в вечности и забыть других космических отходов. Зачем было перебирать все шины? Наверное, было проще начать с датчика? Да потому что этого требует регла-

мент. «Мы, пилоты, обязаны любить регламенты.» Всплыла в голове новая истина из учаги:

– Голосовое управление.

– Слушаю вас. – прощебетал помощник женским голосом.

В сознании промелькнула моя Хельга.

– Расскажи свежий анекдот.

– Каналы связи временно не доступны из-за магнитной активности ближайшей звезды.

– Расчетное время восстановления каналов?

– 4 часа.

– Тогда рассказывай самый старый, тот, который давно не рассказывала, и я успел забыть.

– Разве вы что-то можете забыть, капитан?

– Исполнять.

Голос помощника изменился, мужчина с одесским акцентом начал кабацким тоном свой непродолжительный рассказ:

«Сын с отцом в панике бегут по вокзалу электромагнитных поездов. Вещи, слюни летят в разные стороны. Лица покрасневшиеся, одежда нараспашку. Выбегают на перрон вслед за уходящим электромагнитным поездом:

– Стой, – кричит отец, который бежит первым, – Стой зараза!

Чемодан раскрывается, вещи вываливаются на перрон. Сын с отцом в изнеможении добегают до конца перрона, сгибаются тяжело дыша. Тут отец резко выпрямляется, дает сы-

ну тяжелую затрещину!

– За что?! – недоумевает отпрыск.

– А хрен ли делать, Жора?! Хрен ли делать?!»

Я улыбнулся. Допаял неисправный цоколь-коннектор. Вот такое чувство юмора у ИИ. Проверил на работоспособность – заработал. Отнес к остальной мелкой запасной электронике на корабле. Выкидывать такую распространенную в узлах моей ласточки вещь, когда ее ремонт занимает минуту времени, вот такого-то уж точно не следует делать. Цоколь аккуратно пристроился в пенал выдвижного ящика. Все аккуратно. Все на своих местах. Красота. Порядок в делах – порядок в голове.

– Голосовой помощник.

– Слушаю Вас.

– Пищевая программа №2.

– Расчетное время исполнения 11 минут.

– Голосовой помощник, музыку в студию.

Заиграл веселенький мотивчик из старинного шоу конца 20 века «Поле чудес». «Шутить она со мной будет».

– Музыку включи, говорю. Посерьезнее потребовал я.

– Исполняю.

– Вот и отлично. – буркнул я себе под нос.

Мотив из «Поле чудес» привязался. Упал на язык, и я начал его мычать.

Яичница-глазунья с ветчиной была великолепна. Насадив на многоразовую вилку кусок ветчины, я макнул его в недо-

жаренный желток и отправил в рот. Отлично. Перекусив на скорую руку, я посмотрел на часы, начало седьмого вечера по локальному корабельному времени, чуть позже еще чайку и пора будет спать.

Полетное расписание утверждалось компанией-анимателем перед каждым рейсом. В зависимости от характера груза и расчетной продолжительности, в него вносились незначительные коррективы, но, в основном, оно было довольно типовым и чем-то похожим на распорядок дня курсанта в академии. Стандартным был подъем в 6 часов утра, гигиенические процедуры, завтрак, ежедневная отчетность, внесение записей в корабельный журнал, интеллектуальное развитие, осмотр груза, навигационная сверка маршрутов, физическая активность и так далее.

Следующих два дня прошли по полетному расписанию, в дежурных, обычных хлопотах, музыке, анекдотах, болтовне с голосовым помощником, наслаждениях простыми радостями аскетичного быта. Межзвёздное движение в норе не отличалось особым разнообразием. Помимо контроля показателей состояния корабля от пилота особо ничего не требовалось. Всяческое маневрирование внутри чреваточины исключалось. Мастерство пилота заключалось только в том, чтобы из заранее предложенных системой вариантов курса выбрать оптимальный. Такой выбор часто сводился к интуиции. Пилоты, у которых подобная интуиция была развита в большей степени и базировалась на реальном опыте, как пра-

вило, проходили норы за меньшее время и с минимальным износом оборудования. Если взглянуть в открытый лобовой иллюминатор, сориентированный на центр масс, то ровно по центру можно было распознать предполагаемую точку, в которую лучами уходят пучки света, притягиваемые безжалостной гравитацией. Это своего рода приливный захват, сила, настолько мощная, тянущая чужеродный летательный аппарат к себе, что какие-либо маневры исключены. Там, на горизонте, в этой точке и находится выход их норы. После нырка в чревоотчину двигателя разгоняют и без того притягиваемый гравитацией корабль, постепенно приближая скорость последнего к скорости света. Внутри искривления не возможно обогнать или догнать какой-либо объект, теоретически это возможно и зависит от массы, но автоматика настроена таким образом, что движки одних объектов безостановочно разгоняют их, а других наоборот тормозят. Внутри потока норы кроме всякого транспорта путешествовали еще и зонды, обеспечивающие телеметрию и поддерживающие канал связи. Они образовывали нить, последовательно предающую данные изнутри норы наружу и обратно.

Смотреть на лениво меняющуюся однообразную картинку никакого желания не было. Большинство пилотов в такое время занимались мониторингом показателей, написанием отчетов и прочей рутинной лабудой. Не особо веселая альтернатива одно другому. Перед сном Алекс заглянул в санитарную кабинку и запустил программу душа. Взвешенная до

состояния пара горячая вода переменялась таким же мелким мыльным раствором, после чего пилота обдуло теплым воздухом высушивая.

Новый день разбудил меня прорезавшими тишину громкими кряканьями тревожной сирены. Вскочив с раскладной кровати, надев штаны, я подбежал к панели управления – ну естественно красные тревожные огни, в случае предупреждений сирена не будит рано утром. Алым пылали датчики герметичности, кислорода, искусственной гравитации и массы в грузовом отсеке. Опять пустяковая поломка? Я совершил ошибку в ходе предыдущего 2-дневного ремонта? Ну уж нет. Голосовой помощник не рапортует, чтобы не отвлекать пилота, значит, ситуацию еще можно исправить. Что бы он делал, если бы оценил положение дел как безвыходное? Молитву мне читал! Требуется собраться.

– Отчет о ситуации на бумаге. Диагностика произведена?

– Так точно, капитан.

Военный язык самый простой.

– Печать.

Из стены молча выкатились три листа формата А4 стопочкой за раз. Пробежавшись по листам, стало ясно, ни один из датчиков с сигналами на панели не отвечает. Ни один из мерцающих, перемежающихся подмигиваниями огней не получает никакой информации от своих адресатов. Я метнулся к нише с полетным костюмом, по пути захватив набор инструментов первичной необходимости. Дверка услужливо рас-

пахнулась перед носом. Думай, думай, думай, сейчас нужно быстро и четко, делай проще. Я влетел в промежуточный отсек, автоматика послушно разгерметизировала его в порядке подготовки к переходу в аварийное помещение. Ноги оторвались от пола.

– Открыть шлюз в грузовой отсек.

Бортовой помощник молчал, ничего не рапортовал, просто выполнял соответствующие инструкции и команды старшего корабельного офицера, не смея отвлекать от происходящего.

Я оттолкнулся от рукоятки перед проемом и «запрыгнул-заплыл» в «кузов» корабля. Перед лицом плавали льдинки замерзшей воды и всякая мелочь с пола: сор, шайбы винтов, скрепка, какая-то архаичная пружинка – отсек потерял герметичность. Я практически почувствовал холод космоса и ветерок зимней стужи, которого не мог почувствовать, потому что его быть сейчас не могло. Да и полетный костюм не дал бы. Гелий 4 в своих прозрачных контейнерах из полиэфирного стекла накрепко был пристегнут своему цилиндрическому постаменту. Я успокоился, привел сердечный ритм в норму, начал оценивать ситуацию, дальше продвигаясь в глубь помещения.

Очевидно пробой. Нужно найти пробой в корпусе отсека. Поискав немного ярким лучом фонарика, я обнаружил его на месте малого компьютера. Основное освещение в отсеке отсутствовало.

– Свет! – выпалил я.

Никаких изменений не последовало.

– Обойти поврежденные схемы освещения! Свет!

Лентами пронзили темноту огни по периметру потолка и вертикалей углов.

Вскрыв корпус малого компьютера, я понял, что многие его модули имеют физические повреждения, а именно: блок искусственной гравитации, блок управления подачей кислорода, блок массы груза и еще пару блоков по мелочи. Я вздохнул. Ну конечно датчики в таких блоках не могли откликаться при диагностике систем, отсюда и индикации на приборной панели, а индикации красные, так как произошла потеря герметичности отсека. Я снял весь корпус целиком. Открыл ящик с необходимыми инструментами, достал от туда заготовку заплаты, обработал ее немного. Приложил ее к пробую в стенке отсека – зашипела вокруг пробоя кислотными пузырями перманентная сварка, металл раскалился добела. Красная надоедливая мигалка на верхней части стены продолжала сверкать стробоскопом.

С полученной прелестью, в виде раскрученного ящика из лёгкого композитного материала, и тем же путем, я, вернулся в кабину пилота.

Покопавшись в малом компьютере, довелось выяснить, что некоторые из датчиков отдельных блоков остались целыми. Заменив вышедшие из строя вместе со всеми шлейфами проводки, я собрал компьютер заново. Это потребова-

ло 4 часа работы в бешеном ритме. Отнес и установил его на прежнее место, после чего запустил проверку интересных систем в ручном режиме повторно. Проверка показала нормальное функционирование. Немного убравшись в аварийном помещении, удалив остатки замерзшей жидкости и грязи, я несколько раз ритмично вдавил гидро-механическую кнопку в стеновой нише, запустив терморегуляцию и все блоки в штатном порядке. Опять выполнил проверку – все ОК.

Авария была устранена. Корабль продолжал мчаться по искривлённому пространству кротовой норы со скоростью приближенной к скорости света нарушая все мыслимые и не мыслимые законы физики. Внутри чреваточины космические суда могли провести от одного до нескольких часов субъективного времени. Для объектов, находящихся вне искривлённого пространства время шло с обычной скоростью, а внутри значительно замедлялось. Час, проведенный в переходе между звездными системами, мог быть равен нескольким дням снаружи. Хорошо, что в каждом конкретном случае данные расхождения легко просчитывались с помощью навигационной автоматики.

– Голосовой помощник.

– Слушаю вас. – мурлыкнули в ответ.

– В ближайшие 2 полетных дня, сообщать о неполадках любого уровня важности, которые могут быть связаны с отремонтированными узлами. Сообщать вслух.

- Слушаюсь. – уловив тон моего голоса сказал помощник.
- Зачитай новостные сводки.

«Продолжаются ожесточенные бои на планете Чайный Сад созвездия Овна, находящейся под патронажем Колонии Ренессанс или Teegarden b. За последние сутки, под давлением Федеративных войск, силы повстанцев были отброшены на территорию столицы Байхао. Потери сопротивления составили 211387 человек, 1618 человек взяты в плен. Высокоточными ударами выведены из строя 3 электростанции, 24 точки связи. Министр обороны заявил о намерении расследовать обстоятельства начала дестабилизации на планете и обратил особое внимание на то, что в случае выявления вины колонии Ренессанс, в адрес к вышеупомянутой будут применены регулирующие санкции. Кроме того, Министр Фрэнк Ли, во время своего заявления несколько раз назвал администрацию колонии зажавшимися политиками, позабывшими о безопасности Федерации, которой они обязаны всем. Как сообщают неофициальные источники, по данным разведки, эскалация конфликта могла быть вызвана бездействием правительства нового наместника По Лао. Приход туристов на Ренессанс достиг исторического минимума. Цены на элитную недвижимость пробили дно, вызвав коллапс на рынке, вложение в который уже не первый десяток лет считалось гарантией получения стабильных дивидендов. Планету-рай покидают известные на все Земные миры представители шоу-бизнеса и богатейшие бизнесмены.»

Голосовой помощник сообщил о приближении пункта «Б», и кальмары начали медленно снижать ход. Корабль стабилизировал орбиту и повис на определённом расстоянии, аккуратно балансируя. Алекс запросил разрешение на посадку, но ЦУП ответил, что до завтра окон для спуска нет и пилот даже обрадовался возможности немного отдохнуть перед завтрашним сумасшедшим днем.

Корпоративная форма была заблаговременно отстирана и отутюжена. Пилот снял с вешалки китель с воротником стойкой, смещенной в сторону застежкой на пуговицах, длинными рукавами и закругленным подолом. Абсолютно ровный, без накладных карманов, пиджак слегка переливался металлом темно-синей ткани. Справа и слева на груди аккуратно расположились планка с названием компании и капитанский знак золотистого цвета. Носить китель предлагалось поверх модной белой рубашки мандарин с воротом без откидных уголков. Образ завершали классические брюки со стрелками немного зауженного кроя. Это была хорошая традиция примерять форму накануне выхода в космопорт.

Лежа на раскладной кровати, после 12 часов подряд в жестком рабочем ритме, я вспоминал о своих приятелях из Академии, я улыбался.

Вспоминал о своем непосредственном руководителе Василе Теркине – всегда добром, но твердом и решительном в своих делах, направляющем, подчас неправильно оценивая ситуацию, но все же относящимся ко всем нам как к соб-

ственным соратникам и в чем-то даже детям. Вспоминал о Владисе Жучкове, отличнике службы, она же учеба, доброжелательном человечном товарище, Вике Шершневе, не особо вдумчивом, потому что вечно находился в своих заморочках, Рите Силенюк, вспыльчивой и импульсивной, тем не менее всегда понимающей, Гарики Топорикове, который любил выдумывать себе драмы жизни и потом жить согласно собственным выдуманым правилам, Джиме Продавалове, который любил делать то, что не до конца понимал, в этом его необдуманность заключалась, веселом парне и еще о многих-многих оставшихся и, конечно, Аркашке...

Все они были по-своему умные люди, эти мои воспоминания из Академии. В одном из углов кабины внезапно загорелся давно сломавшийся модуль освещения. Ну все, впечатлений на сегодня хватит, пора спать, через восемнадцать часов наш корабль прибывает в пункт «Б».

ГЛАВА 2. ПОЙДЕМ ПОЖУЕМ.

Новый день в академии начался со звонка на колл-приемник. Я достал продолговатый стержень серебряного металла, он мерцал зеленым цветом, это значит, контакт есть в записной книжке. Я слегка сжал цилиндрик в руке, чтобы он приобрел температуру близкую к температуре тела. Он завибрировал, я раскрыл ладонь лодочкой, цилиндрик стёк к центру ладони небольшой густой лужицей, которая начала переливаться небесно-голубым в такт разговаривающему. Приложил руку к уху. Звонил Шершнев. Вик был студентом выпускного курса в нашей Академии имени старинного русского героя Чкалова. За годы службы он заработал репутацию опытного пилота. Курсанты помладше его уважали и иногда прислушивались, когда он по-свойски снисходил до совета.

– Говорите после звукового сигнала, БИИИП. – произнес я.

– Алекс, привет! – сбивчиво протараторил Вик.

– Привет, Вик! Как дела? Все ли хорошо?

– Как ты относишься к новому полетному расписанию на полигоне?

– Да нормально отношусь, ровно. А что с ним не так? – я насторожился.

– Я хотел бы обсудить его с тобой сегодня после основных лекций. Ты как? Не против?

– Я всегда не против с тобой поговорить, если желаешь встретиться мог бы сразу с этого и начинать.

– Алекс, ну что ты опять...

Я, с небольшим усилием, сжал в руке жидкий, плотный металл колла и прервал сеанс связи. Он снова отвердел, похолодел, приобрел обычную форму небольшого блестящего серого карандашного грифеля. Будем ждать, чего же он мне там наговорит вечером после лекций. Зная его репутацию большого говоруна, сказать он мог самое разное.

Все еще стоя на тротуаре возле жилого корпуса 3 курса, Алекс вынул коробочку-футляр из кармана кителя, достал ягодку синей клюквы, положил в рот и медленно начал жевать. Первокурсники в отдалении предосудительно посмотрели на меня. Я подмигнул им. Они еще не настолько оборзели, чтобы возле собственного барака жевать. Те быстро отвернулись. «Эффект достигнут!» – подумал я. Первачи продолжили трясти перед друг другом разноцветными модными коллами и что-то громко обсуждать. Спорят, наверное, у кого блестит больше.

– Курсант Покрышев! – прогрохотало где-то совсем рядом с ухом.

– Так точно! – отчеканил я.

– На занятия по строевой подготовке не опоздаете?

Дежурный офицер не добрым образом глянул на расстегнутые верхние пуговицы моего кителя.

– Разрешите немедленно проследовать на плац?

Я улыбнулся уголками рта, но быстро застегнул пуговицы.

– Выполняйте. – уже менее недовольно и даже немного кивнув.

– Ладно...

– В форточке прохладно! – опешил офицер.

– Есть!

Курсант Покрышев развернулся и быстро зашагал в установленном направлении, подошвы туфель горели, сильно хотелось заржать в голос. «Естькать он мне будет», – уходя в обратном направлении, ворчал офицер, – «может еще жрать попросит в следующий раз, тфу!».

Погода стояла замечательная. Солнце светило уже совсем по-весеннему. Почки набухали на пока еще лысых деревьях, стыдно, наверное, голыми стоять. Щебетали птички, и вся природа пела о том, что скоро лето. Плац был сухим, на тех квадратиках, где еще вчера стояли лужи, теперь топтались в ожидании командира мои однокурсники, такие же охламоны, не понимающие происходящего с ними в данный момент. Занятия прошли скучно, мы хорошо поработали и дружным аккуратным строем под коллективное пение отправились на завтрак.

В буфете царил страшный гомон. Еще бы! 500 человек собери в одном месте. Кучками стояли представители разных курсов, между этими кучками шнырял туповатый робот автоуборщика. Хорошо ли, что эту профессию полностью заменила автоматика? Группки учащихся были распре-

делены естественно по старшинству и естественно по схожести взглядов на жизнь. Первый курс вел себя как дети, второй курс метался по модели поведения между первым и третьим, третий курс паясничал, четвертый смотрел во рты пятому, пятый спокойно разговаривал в своих компаниях. В тот день в одной из таких компаний я первый раз увидел второкурсника Аркашку, наши взгляды встретились, он, улыбаясь, мотнул головой вверх, как бы с вызовом: «Чего, мол, надо?». Я немного исподлобья улыбнулся в ответ на такой бесхитростный жест.

– Алекс! – окликнули меня, слегка коснувшись локтя.

– О, привет еще раз.

Вик стоял, поблескивая линзами очков. Ну что за архаика, неужели, люди могут поверить, что у него проблемы со зрением.

– Да-да, привет, – продолжил он, – ты помнишь про нашу договоренность на вечер?

– Почему я должен про нее забыть?

Да подражаться он со мной может хочет вечерком, достал навязываться.

– Да я просто так, уточняю, может и правда забыл.

На его лице была легкая улыбочка, он незаметно вытер вспотевшую ладонь о брюки смотря мне в глаза. Я хотел было продолжить нашу беседу, но тут у него спасительно завибрировал колл в кармане, и он поторопился удалиться до вечера, эх классный у него все-таки колл, красивый.

Могли ли представить жители 20 века, что всего через несколько сотен лет, их соотечественникам, гражданам Земли-столицы даже не придется накладывать еду в столовых. Нет, не могли. Все сидели за столом после исполнения Гимна и открывали свои подносы. Подносы были горячими в нужных местах, по ячейкам были распределены первые, вторые блюда, салаты и компот или другие брикеттики с напитками. У кого-то подносы только выезжали из столешниц. Понятно, раздача кухонного цеха не может сработать для всех одновременно, а некоторые уже доедали свой, индивидуальный рацион. Все весело общались, утоляя голод после строевой подготовки. Какая интересная архитектура у этого помещения, мелькнула мысль, свет падает только на середину огромного пространства, на столы, большие вытянутые столы, края помещения возле стен остаются не до конца освещенными, как бы в сумерках.

Далее расписанию должна была идти тактика, но у меня оставалось еще 90 минут свободного времени, и я решил сходить в проекторный зал.

Проекторный зал, в наши дни, это место, где молодежь от 12 лет, весело проводит время. Я перескочил через порог, внутри было пустовато, только парили в воздухе двое первокурсников, слегка выгнувшихся обратными буквами «С», и, смотря стеклянными взорами в потолок, в те невидимые точки ламп проекторов не видных в полумраке зала.

Я с видом ледяного спокойствия подошел к оператору:

– Мне на час, пожалуйста.

– 20 копеек.

В ходу на территории, бывшей Российской Федерация до сих пор был рубль. Да и вообще наша территория особенная по сравнению с другими, множество привилегий имеет.

– 20 копеек, – повторил оператор, – прими канал связи, парень! Ты что завис?

– Точно, 20 копеек, – повторил я, протягивая руку.

Молодой человек провел сканером над куском кожи между большим и указательным пальцем. Мне показалось, что в том месте укололо.

– Ну вот. Теперь проходите к своему проектору, пожалуйста. Седьмой номер.

Я подошел к машине, встал на платформу, нажал единственную кнопку, немного подкинуло. Я завис в воздухе, не произвольно выгнулся назад. Психопроектор начал транслировать изображения, звуки, мысли прямо на сетчатку глаза.

– Голосовое управление, игры, ТГА 25.

Отведенный час закончился, в голове прозвучал голос оператора:

– Пора уважаемый. – мягко, что бы резко не разбудить, прошептал он.

Я сморгнул, невидимая сила аккуратно отпустила меня. Я вышел из проекторного зала на яркий свет. Завибрировал колл. Лодочкой ладони, с примагнитченным металлом, я накрыл ушную раковину, звуки заколебались мне прямо в пе-

репонку.

– Прием. – ответил я улыбаясь.

– Ты где бродишь? – хихикнул Джим, который был моим однокурсником, – все наши уже на месте давно, лекция через 10 минут начнется.

– Все нормально, я рядом, благодарю за беспокойство о моей персоне.

Мысленно подмигнув, сжал упругую лужицу, чтобы ее можно было убрать в карман кителя. Поторопился к 3 учебному корпусу. На занятия по тактике я успел. Совсем не интересно преподносящий материал, офицер усыплял своим монотонным голосом. Высидев 2 раза по часу с 10 минутным перерывом, мы отправились на занятия по рукопашному бою.

Солнце создавало теплые блики на черных лакированных туфлях из штатного курсантского обмундирования. После того как инструктор показал пару связок требовалось разделиться на пары. Для отработки полученных боевых навыков меня поставили с Джимом. Мы посмотрели друг на друга. Ну что поехали? В череде ударов, захватов, блоков и контратак я наращивал темп, делая его более жестким и приближенным к настоящей боевой ситуации. Он не отставал, но я помнил, что в подобных вещах успех обусловлен интеллектом и эффектом неожиданности. Замах удар, блок, удар в ответ – пропустил. Контратака – теперь я пропускаю, выбил воздух. Защищаюсь. Восстанавливаю дыхание. Удар в верх-

нюю часть корпуса. Удар коленом в область над его коленом. Защищается... Удар, еще удар, в одно и тоже место. Я взвешиваю темп еще больше. Снова удар в надколенную область – прошел. Удар в ключичную область сжатой ладонью. Противник на татами. Протягиваю руку.

– Ну, слушай, это было мощно. – выпаливаю я в приступе отдышки.

– Мощно-мощно, только вот на ковре я оказался. – с не большой обидой в голосе и скромной улыбкой на лице, принимая помощь подняться, произносит он.

– Ты думаешь, я хотел победить меньше, чем ты? – натягиваю уголки рта в ответ, – Посмотри, зато у тебя даже дыхание не сбилось, надо бросать синюю клюкву. – смеемся вместе.

Мы оглянулись по сторонам, все смотрели на нас с ним, попутно создавая видимость бурной физической активности. Две минуты в таком рабочем темпе – это конечно сильно.

– Что там дальше по расписанию? – спросил Джим, выходя из раздевалки.

– ЗЭП.

– Тогда идем на ВВП.

ЗЭП или Занятия по Экстремальной Подготовке заключались в отработке выживания курсантов в самых сложных условиях. В пустыне, под водой, в условиях сильного холода, в свободном полете, на воде в сплавах по горным рекам и так

далее. Но самое главное, что помимо выживания требовалось решение незаурядных задач. Произвести ремонт сложного электронного оборудования в условиях крайнего севера, составить подробную карту местности в пустыне, произвести забор геологических проб на дне глубоководного озера находясь в скафандре и многое другое. Курсанты построились в шеренгу по одному с края от взлетно-посадочной полосы возле одного из ангаров, всего было шестьдесят.

– Сегодня подходит к концу серия занятий по прыжкам с парашютом. Будет предложен прыжок с высоты 7000 метров. 1,5–2 минуты Вы будете просто лететь с ускорением свободного падения. Скорость при этом может достигать 350 км/ч. Дальше полет под куполом еще 5–7 минут.

– Там в ангаре, – офицер указал на в сторону распахнутых ворот огромного размера, – Три самолета. Вы будете разделены на три группы.

– Возле этих моторных самолетов Вы найдете столы со снаряжением. Осмотреть и пересобрать парашюты, одеть на себя. Защитная скорлупа для туловища, наколенники, налокотники и шлем для каждого. Кроме этого, на столах Вы обнаружите браслеты со внесенными в них математическими задачами. Всего сорок пять задач, экран браслета транслирует задачу три секунды, после этого необходимо выбрать правильный вариант ответа из шести предложенных. Как только Вы выбрали вариант ответа браслет транслирует новую задачу. Результаты теста будут известны только по приземлении.

Приземлиться необходимо в специально размеченные круги диаметром 10 метров. Сегодняшняя встреча является зачетом по прыжкам с парашютом. Сорок правильно решенных задач и более – зачет сдан. Менее 40 – зачет не сдан.

Офицер заложил руки за спину и продолжил:

– На первый, второй, третий рассчитайсь! – скомандовал он, – Первые номера направляемся в ангар к борту №314, вторые номера к борту 191, третьи, Ваш борт 986. К самолетам шагом марш.

Это был старый винтовой самолет производства семидесятых годов двадцатого века. Крылья расположившиеся в верхней части корпуса были увенчаны двумя двигателями. На хвостовом крыле, поверх основного темно-серого цвета расположился флаг федерации. Грохот моторов АН-26 сливался в сплошной гул, застилающий все остальные окружающие звуки. Внутренняя обшивка не скрывала несущий скелет самолета и все шпангоуты. Ее не было. Просто металлическая коробка с пластиковыми стульями вдоль фюзеляжа. Роль пола выполнял деревянный настил. «Наверняка не настоящий», – подумал Алекс. В наушнике шлема раздался голос одного из пилотов, который сообщил, что выброска по группам будет осуществляться в одну и ту же точку с интервалом в две минуты. Алекс стоял третьим в колонне первой группы по направлению к грузовому люку в карме самолета. Продавалов попал в третью группу. Пасть люка отворилась, один за другим выпуская своих незадачливых пассажиров,

вот и я разбежался и прыгнул в синеву.

Первым делом требовалось стабилизировать свое положение в пространстве. Выпрыгнув животом к земле, я слегка выгнул спину в пояснице, расставил ноги в стороны и согнул их в коленях, развел прямые руки. После того как результат был достигнут, я синхронно согнул руки в локтях приближая браслет к лицу. Пальцем второй руки ткнул в тонкий напоминающий стекло экран активируя его и вызывая на экране первую задачу, которая была простым сложением двузначных чисел. Простейшие арифметические задачи на разнообразные действия превратились сначала в уравнения с одним неизвестным, потом в матрицы и упражнения на извлечения корня. С каждым разом задания становились все сложнее. Помимо этого, проблема заключалась в том, что время свободного падения требовалось считать параллельно с решением заданий, чтобы улучшить момент для раскрытия парашюта. Подгоняемый адреналином, пульс зашкаливал, отзываясь ударами в висках.

После того как Алекс досчитал до ста двадцати и дернул кольцо, в небе взвился прямоугольный купол ярко оранжевого цвета. Это был парашют «крыло» или попросту говоря матрас. Ах да, перед этим он успел обогнать тех двух ребят выпрыгнувших перед ним примерно на тридцать секунд и это было серьезным преимуществом. Он очень хотел, чтобы его касание было первым. Покрышев продолжил решать задачи, которые становились все сложнее. Временами он натя-

гивал свободные концы устремляя парашют к земле, а временами, после того как красное кольцо посадочной зоны стало видимым, маневрировал. Матрас подходил для подобной работы как нельзя лучше.

Внезапно за шумом ветра Алекс услышал приближающийся крик, и кто-то из наших пронесся мимо. Рухнул в круг. Падение тела было настолько мощным что удар поднял кучу пыли, а звук удара был слышен со ста метров. Алекс снова натянул свободные конца ускоряя спуск. Касание было жестким. Он отстегнул парашют и ринулся к закутанному в оранжевый саван телу. Алекс склонился над ним и надавил двумя пальцами на шею. Пульса не было.

– Похоже ты второй. – съязвил один из обогнанных однокурсников.

Он грубо толкнул меня плечом проходя мимо. Изломанного, в неестественной позе парнишку, валяющегося в пыли, он не удостоил и взгляда.

В подъехавшем флайере, друзья, как обычно, расположились на соседних креслах.

– Ты как? – спросил Джим, озабоченно глядя в лицо Алексу.

– Никак. – я дернул плечами. – Он, наверное, запутался.

Очередной день из курсантской жизни подходил к своему завершению, птички щебетали, становилось прохладно, как бывает весенними вечерами. Холодно в туфлях. От безделья я ковырял носком кусочек льда на асфальте у своего жилого

корпуса, когда почувствовал в кармане колл-коммуникатор. Я принял вызов.

– Алекс привет, – просвистел-проговорил Шершнев.

– Ты замучил. У нас с тобой уже третий привет за день.

Чего хотел?

– Как чего, ну договаривались же поговорить про новое полетное расписание?

– Ах да, я уже забыл. День был насыщенный.

– Да они у тебя всегда такие.

– ..., – молчу.

– Жди меня. Ты, наверное, возле своего корпуса опять переминаешься. – протараторил он и оборвал канал.

Он подошел очень быстро. «Ты бежал ко мне что ли?» – Захотелось спросить. Как и все студенты выпускного курса выглядел он не по уставу, но глядя на него, хотелось сказать «с иголочки».

– Вик давай к делу. – устало попросил я.

– Давай. – наши взгляды мимолетно пересеклись.

– Сегодня к нам на курс приходил Теркин, ты знаешь такого?

Я с усмешкой посмотрел на него.

– Он нам рассказывал про новое полетное расписание. – продолжал выпускник.

– Да ты издеваешься! – воскликнул я, перебивая, – Что ты вообще за дебилый повод выдумал?

– Погоди, сначала мы, на самом деле, разговаривали про

полетное расписание. – приподнял он руку, останавливая мое возмущение, – А дальше разговор зашел про то, что нашу Академию, как ведущую на планете, выбрали для небольшого эксперимента.

– Продолжай. – здесь мне уже стало интересно.

– Так вот, Теркин, лично, собирает какую-то группу. – вещал Вик выделяя каждое слово, – Я знаю не много подробностей, но эта группа должна организоваться сама и доказать свою состоятельность.

– Какую такую состоятельность? – возбудился я.

– Я же говорю, информация ограничена, задавай верные вопросы.

Задавай тебе правильные... Ничего было не понятно, но очень интересно. Мне нужна была пауза. Я окликнул проходящих мимо:

– Эй, ребята!

– Что? – откликнулась многоголосая толпа.

– Вы куда так энергично шагаете за 2 часа до отбоя? – поддёрнул я первачей.

– А твое какое де... – начал, было, кто-то из кучки, но другой из них тут же толкнул его под локоть, не дав договорить, сказал: «Мы на дополнительные занятия.»

– Это какие сейчас у нас занятия? – спросил я тоном человека, которому известны все дополнительные занятия в Академии. Вик смотрел на мой профиль и молчал.

– Позабытая механика. – ответил тот же, что недавно пе-

ребил своего.

– Места есть?

– Полно!

– Я с вами! – и повернувшись к выпускнику, – Составишь компанию?

Он кивнул, мы быстрым шагом догнали опаздывающих на допник и потопали вместе. Я крутил в голове варианты, которые вырисовывались несмотря на скудную информацию.

Аудитория представляла собой полу-воронку типичного римского форума с импровизированным подиумом и профессором в центре. В аудиторию мы почти забежали. Профессор был не военным человеком, поэтому на 5 минутное опоздание, отреагировал спокойно. Не высокого роста, коротко подстриженный мужчина, от 30 до 40 лет, с темными кудрявыми волосами, молча указал, странной телескопической палочкой, на первый ряд. Первачи, естественно, затопали на самый верх воронки. Если я все правильно смог оценить, он узнал нас с Виком, усевшихся на первом ряду в лицо. Мы оба ходили на его факультативные занятия. Я на первом курсе, он на третьем.

– Николай Семенович, вы не могли бы повторить, что это за техника на подиуме? – слегка обнаглевшим тоном спросил, Вик, толкая меня ногой под столом.

Перед нами предстали плавные линии в ретро стиле. На подиуме стоял великолепно наполированный, теплого красного цвета, с многочисленными хромированными деталями

двуцикл. Он блистал. Стоп. Они не так назывались. Мотоцикл. Точно, это старинный мотоцикл.

– Конечно... – Николай Семенович замялся.

– Вик. – вовремя вставил пятикурсник.

– Да, Вик и? – он указал палочкой на меня.

– Алекс. – добавил я.

– Вик, Алекс и остальные опоздавшие, это легендарный мотоцикл «Триумф 120ТТ», он выпускался в Великобритании, в середине 20 века. Помимо своей технической простоты, даже по меркам двигателя внутреннего сгорания, он примечателен еще и тем, что благодаря собственному успеху, представленную модель возродили еще через полвека, вернули в производство, так сказать. По причине такой популярности, экземпляр, он указал на экземпляр палочкой, стоит перед нами полностью восстановленный из оригинальных запчастей и по оригинальным технологиям. При сборке данной копии было разобрано еще 14 таких же моделей, музейный экспонат. Кстати, механики 20 века называли такие машины на запчасти – «донорами» по аналогии с медициной. Он говорил очень воодушевленно, видно было что он знает все по теме, мельчайшие интересные факты. Все внимательно слушали и реагировали на каждое слово.

Мы с Виком вывалились во двор учебного корпуса, настроение было у обоих хорошее. На улице уже совсем стемнело и стало еще прохладнее.

– Доставай свои ягодки, – заговорщицки сказал Вик, по-

тирая руки.

– А у тебя что закончились? – возмутился я, – Вот тебе и выпускник, – я протянул ему коробочку футляр.

Мы взяли по одной, в этот момент вышел Николай Семенович посмотрел на синюю клюкву в наших руках.

– Ребята, не возле учебного корпуса. Какой пример подаете? – с легким расстройством в голосе проговорил он.

В ответ мы смогли лишь слегка приподнять плечи. На лице уважаемого профессора мелькнула улыбка, он бодро направился в сторону от нашей парочки.

– Вик, что ты еще знаешь об этой странной группе, которую собирает Теркин?

– Особо ничего. Знаю только, что она должна состоять из студентов разных курсов и явиться в назначенное место в назначенный час.

У него завибрировал колл, он светился красным, Вик качнул им от себя, тот погас.

– Зачем тебе вся эта возня с группой?

– Алекс, я собираюсь остаться в военной космо-авиации и связать с ней свою жизнь. Нас в выпуске осталось 287 человек. От того будут ли у меня особые заслуги зависит куда меня направят дальше служить. Представляешь, что может решить подпись Теркина на рекомендации?

– Так значит, тебе нужны стоящие люди? Уже есть кто-то на примете кроме меня? – я продолжил.

– Стоящие люди нужны, конечно, на примете есть, но с

других курсов с третьего двое, иначе я бы за тобой столько не бегал. – он смотрел мне в глаза.

– Так ты и так вроде сбегал только от жилого корпуса третьего курса до факультатива, – мы снова посмеялись.

– В общем, ты согласен? – он протянул руку.

– Я подумаю, – пожимая ее, сказал я, – свяжемся с утра по коллу.

Я вернулся в корпус. В нашей комнате на 8 человек горел яркий свет, все что-то обсуждали. На следующий день, интерес взял свое, я взял колл и согласился. Вик очень обрадовался. Он и сам тогда не мог знать, что с этого момента наша жизнь круто изменится.

ГЛАВА 3. В ПОРТУ.

Пунктом «Б» был планетоид Земного типа под названием «Торговый порт». Он болтался на окраине своей звездной системы. Искусственное гравитационное атмосферное поле спасало его от космически низкой температуры на поверхности, -480°C . Если почитать историю освоения планетоида, то мы легко увидим, что он получил развитие, т. к. очень удачно лежит на одной из ключевых торговых магистралей Земного Федерации. В свое время одна очень крупная, на тот момент, а сейчас погибающая транспортная компания сделала его своей логистической базой, в общем, по факту складом хранения. В последствии экономика «Торгово-го порта» оказалась предоставлена сама себе, начиная привлекать все больше и больше независимых инвестиций, чаще принадлежащих людям, предпочитающим не сильно законные методы заработка. Поэтому чего на этом планетоиде только не было.

Мой челнок дрейфовал на дальней орбите планетоида, ожидая разрешения от администрации космопорта на посадку в аварийной зоне с целью экстренного изъятия груза 12 категории опасности и срочного ремонта. Покорно предоставив возможность сотрудникам орбитальной безопасности дистанционно проверять все системы моего корабля и изучать журнал происшествий, я доедал программу питания №8

– тефтели с рисом. Вид из иллюминатора открывался замечательный: гравитационное атмосферное поле создавало эффект северного сияния, оно взъерошивалось на кромке планетоида цветной рябью. Остальная половина серо-зеленого диска была погружена во тьму. Такая вот картинка в холодных тонах. «Эх», – вздохнул я. После двух недель пути хотелось бы пообедать в портовом кабачке, но шел третий час в ожидании ответа диспетчерской.

– Челнок 121520.19-Красный, пилот Покрышев, вы на связи? – вызывали с планетоида.

– Да-да, я слушаю, – скороговоркой пробарабанил я, подскочив с кресла и чуть не подавившись тефтелей.

– Одобрена посадка в аварийной зоне космопорта «Скалестые верфи». Это третий номер. Готовы начать маневрирование через 15 минут?

– Чкаловские пилоты всегда готовы, – уже более обстоятельно заверил я.

– Даю обратный отчет на ваш сервисный экран. Переключаю канал связи на следующего специалиста. Спокойного спуска!

Ну наконец-то, я застегнул полетный костюм, привел спинку кресла в вертикальное положение, вырубил комфортный режим и накинул 7-точечный ремень фиксации.

– Пилот, у меня вторая смена подряд заканчивается. Я устал болтать и буду просто молчать, следя за показаниями твоих систем. Если обстановка сильно беспокоит, просто

отправь аварийный сигнал.

«Да уж», – подумалось в те минуты, – «Хороший же диспетчер мне попался. Отправь ему аварийный сигнал». Направляя свой челнок по касательной к точке входа в атмосферу, я продолжил спуск согласно траектории проложенной автоматикой центра. Сквозь не очень обильные облака, подавшие тенью в основном на индустриальный ландшафт, редкими залысынами просматривались бледно зеленые плоскогорья с какой-то карликовой растительностью. На грани видимости, под одеялом северного сияния, горизонт становился серым от смога, видимо, где-то там и располагался космопорт «Скалистые верфи». По плану полета, контролируемому не разговорчивым сотрудником диспетчерской, челнок должен войти в атмосферу и продолжить полет на высоте 7000 стандартных земных метров до самого места контакта. Цветные переливы гравитационного атмосферного поля приближались и уже перекрывали собой подавляющую часть обзора, с такого расстояния они начали больше походить на радужные блики стекла.

Внезапно, корабль мощно и упруго толкнуло в противоположном направлении. Вновь, как и несколько дней назад, засиял желтый предупреждающий огонек герметичности грузового отсека. Накатил адреналин, позволяя принимать быстрые, но не всегда верные решения, а принимать их нужно было немедленно, иначе летел к чертям весь план посадки, что может иметь фатальный конец. Я резко потянул

штурвал на себя, поднимая корабль вертикально вверх относительно бывшей точки входа в атмосферу.

– Голосовое управление, всю энергию на передний силовой щит.

– Исполняю капитан, 3 секунды, – прозвенело в ответ.

Мы «отскочили» от атмосферного поля.

А теперь рукоятку от себя и под таким же углом вниз.

Я летел навстречу переливающемуся стеклу. Вот это сейчас будет перегрузка.

Челнок острой пикой копья врезался в упругую тугую стену искусственного гравитационного поля. Ударило в разы сильнее, чем 30 секунд назад. Завыла сирена. Приборная панель расцветилась огромным количеством красных индикаторов. А теперь рукоятку снова на себя, промычал я, очутившись внутри хрустально шара. Выла сирена, но следующей мыслью стало, что ничего прекраснее в жизни я не видел. Теперь давай, сохраним за собой право увидеть в будущем.

– Голосовое управление, есть ли связь с датчиком массы груза?

– Да, – громко и четко доложил помощник синтетическим голосом.

– Показания соответствуют исходных данным? Данным до начала процесса снижения?

– Так точно.

– Отключить все системы корабля, не связанные с жизнеобеспечением и посадкой.

Почти все красные лампы превратились в желтые, а через мгновение и вовсе потухли. Недоеденные тефтели и рис всплыли с пола в воздух. Я сбросил скорость, она стала до звуковой. Снедь снова упала на дно кабины, если бы компенсатор перегрузок не сработал при прохождении гравитационного атмосферного поля, на земле ели бы тефтельки из пилота Покрышева. Хотя нет, там им было бы не до этого, учитывая характер моего груза. Большинство из обитателей Торгового порта вообще уже ничего и никогда не поели бы. Я вздрогнул от того, что услышал орущего матом, молчаливого и уставшего диспетчера, который контролировал мой спуск:

– Ты, (непереводимый местный диалект), почему не отвечаешь? – голосил он всюду.

– Проснулся? – ухмыльнулся я.

– Ты охренел, я кричу в наш канал с момента, когда ты задрал штурвал! Твой компьютер меня отключил, понимаешь?

– У тебя были какие-то другие варианты развития событий или мне нужно было тебе аварийный сигнал отправить? – осадил я его, – Вообще то, это твоя работа давать верные программы спуска и контролировать их.

– Голосовое управление, приватный канал, – я услышал, как он шепчет в свой микрофон, – Алекс, давай потише, за твоими виражами вся диспетчерская наблюдает, – попросил он и продолжил, – я посажу тебя сам, не буду передавать в службу «Скалистых верфей».

– У меня на борту Гелий 4 массой 30 тонн, я вырубил половину систем корабля, – озвучил я факт, которым был не обязан делиться по регламенту, но обязан морально.

– Алекс, маневрируй по траектории на экране до наших указаний, – вновь раздался его голос после минутной паузы. – покрутись минут 10.

Десять минут подходили к концу, я подобрал с панели управления надкусанную тефтелину, закинул в рот.

– Челнок 121520.19-Красный, это командир орбитального центра контроля, – заговорил не знакомый голос, – Мы изучили все показатели, которые еще способны предоставить системы твоего корабля, а также, просмотрели историю поломок в последнем полете. Место контакта прежнее. Настойчиво рекомендуем следование к месту и посадку в ручном режиме, вообще без автоматики.

– Посадку в полностью мануальном режиме подтверждаю, – слегка поразмыслив, ответил я.

Несмотря на кажущуюся сложность, посадка прошла довольно легко. Судно приняла аварийная группа, теперь это их забота. Прихватив документы и сумку с вещами, я последовал для оформления всех формальностей.

После череды споров, взаимных обвинений, угроз, шантажа и еще много всего в игровой форме, кассир, представитель таможни, портовой администрации, межпланетной почты, военной прокуратуры и разве что не Господа Бога, вручил мне все необходимые документы в пластиковом вариан-

те, а также, на личный чип-хранение, прислонив магнитный передатчик к руке. Заодно он начислил гонорар за доставку груза, не забыв прибавить страховые моральные и физические выплаты, связанные с аварией. Вместе с тем как я вошел в длинный, широкий, извилистый коридор, я вошел в быт «Торгового порта».

Здесь, было полно психопроекторной рекламы, норовившей дотянутся до сетчаток глаз всех проходящих мимо. Рекламы, продающей всякую-всячину мелких торговцев, полужаконных и вовсе не законных вещей. Но это на других планетах Федерации Земного Мира, а тут все было иначе. Мне запомнились так называемые синтетики, механические куклы, имитирующие поведение человека. Раньше я только слышал об их существовании, но никогда не видел. Пилоты называли таких «резиновыми женщинами», они стояли вдоль коридора, покачивая бедрами и слегка шелестя приводами механических суставов. Там, где деньги там и технологии, а где им быть кроме как не в сексе, как ни в одном из основных инстинктов. Я мельком глянул на одну из них, опасаясь сигнала психопроектора, но его не последовало, наверное, на этапе знакомства этого не предполагалось, не удержался и засмеялся я в голос, повернувшись к кукле. Кукла, стояла в метре от меня, имитируя соблазняющее женское поведение, трогала свое тело, проводила ладонью по талии, сжимала грудь с пародийными, будто нарисованными сосками, слегка шлепала себя по ягодицам, и, томным голосом шепта-

ла скабрёзности. Я оглядел ее снизу вверх, осматривая формы, она не была монолитной как человеческий кожный покров. В местах суставов проглядывали технические сочленения, на панелях обшивки кукла имела мягкую, упругую, тактильно приятную поверхность, с закрытыми глазами, эту поверхность, можно было и не отличить от человека. Такая вот роденовская скульптура из гаек и пластмасс. Я посмотрел на маску лица, волосы переливались разными оттенками. Торговый автомат подмигнул мне. Какие последующие программы психологи заложили в ее код? Как кукла поведет себя дальше, если я подмигну в ответ?

Что я еще знаю о синтетиках, так это то, что прототипами их поведения должны были быть реальные люди. Кто был прототипом данного? Женщина или мужчина? Человеческая проституция запрещена и строго наказывается по закону всех Земных миров, но интересно есть ли проституция в том, чтобы становится прототипами поведения, речи, моторики тела вот таких вот куколок? Понятно, что по закону вроде как нет, такие вещи не запрещаются, ну а в принципе? С точки зрения морали? Является ли продажа собственной индивидуальности с целью сексуальных утех аморальной? Для меня скорее да, чем нет, хотя, для других людей, возможно, по-другому. Я отвернулся от синтетика, зашагал дальше, оставляя позади способ снятия стресса для пилотов, которые месяцами могли болтаться в космосе наедине с собой.

Я снова заскучал по своей Хельге. Шоркая ногами по трафаретным надписям, призывающим поднять глаза к психопроекторам, периферийным зрением уловил следующее чудо «Торгового порта». Не богатого вида музыкант играл на **НАСТОЯЩЕЙ ГИТАРЕ**, я глянул на него, сделал шаг, сокращая расстояние, между нами. Он тут же отреагировал и стал играть бодрее. Перепетый военный шлягер пестрил рекламными отсылками, сообщающими разнообразные прелести планетоида. Видимо, такие вот рекламки были для него гарантией постоянного заработка, парень старался всю. Была в его песне, и авторская интересная аранжировка, и исполнял он достаточно чисто, и голос был хорош и подходил по тематике, но я знал, что это всего лишь попытки дополнительно заработать. Я прислонил кисть к терминалу, раздался звон монетки. Я подбодрил его небольшим количеством денег. Он не стал стараться еще больше, лишь поднял голову и продолжил свое исполнение глядя на меня. Вот тут я поверил в него, он на самом деле понимал ту песню, которую ему пришлось, не сильно умело испохабить рекламой. Мы стояли, смотрели друг на друга еще один куплет, у парня, из кармашка глаза выкатилась скупая слезинка, я отвел взгляд, он перестал играть, снова опустил голову. Я вновь прислонил кисть, теперь ладонью вверх, перечисляя на его чип достаточное для того, чтобы на сегодня он мог пойти домой количество денег. Он выпрямился и, глядя уже куда-то в пустоту доиграл ту, старую песню с оригинальным текстом.

Я кивнул и ушел прочь.

Подходя к гостинице с проверенным сетевым именем, в которой раньше останавливались бы все командировочные из педсостава Академии, и, открыв коробочку-футляр, я разжевал синюю клюкву, это была первая, с тех пор как я отправился в текущий рейс.

Меня встретил мужчина старше среднего возраста, но при этом не выглядевшим ни большим, ни старым, ни уставшим, его лицо озаряла лучезарная улыбка, а ну груди гордо поблескивала табличка с именем Иван Димыч.

– Могу ли я вам помочь? – в его голосе мелькнули нотки игривой бытовой хитрости.

– Мне номер на одного, – попросил я.

– Бронировали?

– Бронировало агентство, – я протянул руку и портфю аккуратно коснулся ее сканером после чего вернул сканер в подставку откуда исходил кварцевый свет.

– Пилот желает заменить кровать на двухспальную чтобы лучше отдохнуть после дальней дороги? – глянул он заговорщицки, голос его лился песней.

– Пожалуй, сегодня обойдусь стандартной, – прервал я полет его фантазии.

– Хо-ро-шо, – выделив каждый слог, ответил он и продолжая вносить мои данные в систему.

– Для Вас оставлен конверт. Он достал и подвинул ко мне по полированной стойке красного дерева прямоугольник из

вторичной бумаги.

– Не желаете? – он протянул в мою сторону футляр с жевательной резинкой странного цвета.

– С удовольствием, – прибирая в карман одну, промычал я.

Молча достал свой футляр, приоткрыл и протянул в ответ пенал с синими крупными ягодами. Мужчина очень обрадовался, аккуратным движением, чтобы не раздавить, взял один шарик и прибрал куда-то под стойку. Мы еще раз глянули друг на друга, я взял ключ, и направился к шахте подъемника.

Номер был достаточно простым, не большой площади, но зато чисто убранным, со свежим покрытием пола, в дополнение еще и недавно отремонтированными, включал туалет и гигиеническую комнату. В зеркале я заметил свои синие от клюквы губы, умылся, принял душ, почистил зубы ультразвуковым освежителем и бросил сумку на кровать.

– Терминал, – обратился Алекс к невидимому собеседнику.

Слушаю, гость, – голосом Иван Димыча отозвалась машина.

Что нужно сделать, чтобы поговорить с Землей?

Срочно заплатить портье и побольше, – засмеялся автомат, – Алекс, у нас в номерах нет самостоятельных помощников с ИИ, как на твоём корабле, когда Вы обращаетесь «терминал, голосовой помощник» и т. д., идет соединения

со стойкой обслуживания в лобби.

– Что так очевидно? – задал я риторический вопрос.

– Что очевидно? Что Вы пилот? Конечно. – и продолжил, – Так что со столицей то будем разговаривать? У кого запрашиваем канал? У жены?

Я утвердительно буркнул. Когда разговариваешь с умным человеком, думать и вовсе не хочется если сильно устал.

– Давайте подождем, если она дома, то назначим сеанс связи, я сообщу позже, отключаюсь.

Я подумал, что очень правильно, наверное, переключать на управляющего, если нет полноценно ИИ, если бы номера просто оборудовали голосовыми поисковиками, технологиями 21 века, то это было бы совсем не честно по отношению к гостям. А тут сразу с управляющим. Личное общение, в наши дни это дорогого стоит. Уровень.

На гало-экране я включил спортивный раздел вещания, показывали матч гоночной команды «Красные дьяволы» в записи. Гонки на спидерах это то, от чего у меня захватывало дух, а «Красные дьяволы» были моей любимой командой. Сняв обувь, я расположился на кровати и посмотрел гонку до конца, в чередѣ виражей, обгонов и скоростных маневров, «Красные дьяволы» набирали очки. Счет матча, конечно, я знал, еженедельно читал в новостных лентах на корабле, но посмотреть его было удовольствием другого порядка.

Из стены раздался предупредительный сигнал, и следом заговорил Иван Димыч:

– Алекс, Хельга Покрышева, готова поговорить с Вами через 10 стандартных минут.

Все это не малое время, я просто ждал, когда сигнал прозвучит вновь.

– Привет, дорогой!

– Привет, любимая! Я скучал!

– Я тоже скучала, – прозвучало прерывисто, – На нашем солнце магнитная активность, могут быть помехи. Как ты меня слышишь?

– Очень хорошо, – обманул я.

– Когда ты прилетишь домой?

– Точно, не знаю, но думаю, скоро.

– Твой вояж затянулся в этот раз, солнце мое.

– Много мест назначения, много Пунктов «А» и Пунктов «Б», большой круг облета, не всегда удастся найти не долгие и денежные перелеты. Выбираю из того, что предлагает ситуация. Но я уже на возврате.

– Я рада это слышать. Дома все хорошо.

– Как дела на твоей работе?

– На работе здорово, заданий много, и они интересные!

– Я планирую взять груз от сюда на Столицу и больше не оттягивать нашу встречу.

– Ты серьезно? – она была в восторге и начала что-то мило тараторить, обнимать меня и целовать по аудио связи.

Ну конечно! – воскликнул я, расплываясь в улыбке, – Конечно серьезно!

А это так точно получится? – побеспокоилась она о реальности моих планов.

– Хельга, пора закругляться, а то мы весь гонорар проговорим с тобой по межпланетной связи. Я тебе его, кстати, сейчас переведу на семейный счет. Ну, большую его часть.

– Как планируешь отдохнуть? – тяжело вздохнула она, услышав про заканчивающийся разговор.

– Пока не знаю, целую тебя, спокойной ночи!

– И я тебя целую! – мурлыкнула она таким тоном, будто повисла у меня на шее в объятьях.

Мы прекратили связь. Я перевел средства на счет семьи.

В конверте, оставленном для меня на стойке отеля, обнаружилась маленькая с монетку размером и почти такой же толщины обоюдовыгнутая линза из прозрачного стекла. Я взял колл, сделал ладонь лодочкой, и он растекся лужицей жидкого металла, в которую я поместил линзу после чего прислонил ладонь к уху, и лужица присосалась к височной кости за ухом. Она завибрировала, генерируя звук никому другому не слышимый. Роботизированный голос сообщил, что при следующем фрахте на Землю требуется прибыть на Венеру, отыскать спускаемый аппарат «Венера-9» и изъять так называемый телефотометр после чего аккуратно передать его лицу, вышедшему на связь на Земле. Из исторических сводок Алекс помнил, что на Венеру было отправлено около 27 аппаратов и далеко не все результаты миссий предавались огласке, так как в СССР было не принято говорить

о своих неудачах. Аппараты отправлялись на планету как бы парами, чтобы на всякий случай дублировать друг друга, Верена-9 и Венера-10, Верена-13 и Венера-14 т.д.

Также, голос сообщил, что деталь требуется исключительно для коллекционных целей и более никакой ценности не представляет. Запрещено аппарат вскрывать или другим образом изымать из него данные. Платили очень хорошо и поэтому поверить в легенду о коллекционной ценности предмета, который с 1975 года никого не интересовал, было невозможно. Очевидно, детектор зафиксировал нечто на планете, нечто такое что можно было зафиксировать именно в тот момент в далеком прошлом, еще на заре исследования нашими предками своего космического окружения. Никаких сложностей Алекс в миссии не видел, кроме того, что нужно будет совершить посадку по незарегистрированному маршруту, а позже, пронести оборудование через планетарную таможню на Земле. На Земле – центральной планете Федерации с лучшей в мире системой безопасности. Все это потом, а пока рухнул в кровать, вытянул ноги и тут же уснул.

ГЛАВА 4. ИГРЫ В ВОЙНУ.

Как и все предыдущие, первый день семестра начался ранним утром с команды на подъем. Яркий луч солнца врезался сквозь полуоткрытые створки горизонтальных жалюзи спального блока для 4 курса, я спрыгнул со второго яруса своей кровати по правой стороне, чтобы не мешать и не толкаться с соседом, располагающимся на первом ярусе и, в свою очередь, также, быстрыми, отработанными движениями аккуратно заправлял кровать только слева.

Я чистил зубы за одной из стройным рядом тянувшихся раковин глядя на своё отражение. Уложил зубную щетку в пенал, убрал ее, еще раз умыл лицо, поднял голову глядя на себя и жестом смахнул картинку отражения в зеркале вызывая расписание занятий на сегодня. Начинались они, как всегда, со строевой подготовки. Теперь, в отличии от 3 курса, она предусматривалась только 1 раз в день, перед завтраком.

После завтрака, линейки и переклички, наша группа бодро маршировала к месту проведения занятий. Утренний летний ветерок приятно охлаждал кожу лица, отряд весело распевая, поднимал колени и сгибал руки в локтях. Сержант вел нас против солнца и командовал нами. Впереди ожидало два академическим часа по «Физическим принципам полетов», который стал для нас новым предметом на курсе.

На сей раз в роли профессора выступала женщина сред-

них лет, не большого роста, с коротко стриженными волосами, в круглых очках и поставленным, открытым и звонким голосом.

– Уважаемые курсанты, меня зовут Виолетта Степановна, я буду преподавать вам предмет «Физические принципы полетов». Задачей курса является раскрыть физические процессы, которые участвуют, так сказать, позволяют человеку летать при разнообразных условиях. Изучить все эти процессы. Данный курс рассчитан на сто академических часов, по окончании которых вас ждет защита курсовой работы и экзамен по предмету, – даже общую информацию она говорила уверенно, расставляя нужные акценты и соблюдая знаки препинания, будто диктовала что-то под запись.

– Итак, предлагаю приступить. Тема сегодняшней лекции – это «Введение в физические принципы полетов».

Она трижды откашлялась и поправила рукой очки, а затем продолжила:

– Полеты подразделяются на 4 вида: Внутрипланетарные, орбитальные, внутрисистемные и межзвездные. К внутрипланетарным полетам относятся полеты между поверхностью планеты или другого крупного космического тела и линией Кармана. Линия Кармана – это условная линия, находящаяся на расстоянии сто километров от поверхности. Орбитальные это полеты под воздействием притяжения ближайшего космического тела, заставляющим летящий аппарат двигаться по круговой траектории, называемой орбитой,

вокруг такого космического тела. Под внутрисистемными полетами подразумеваются полеты внутри одной звездной системы, а под межзвездными...

– Полеты между звездными системами, – поддержал кто-то из первых рядов аудитории.

– Совершенно верно, – подбодрила Виолетта Степановна.

– Предлагаю вам самим выбрать с какого вида начнем.

В куче общего галдежа победителем были признаны внутрисистемные полеты. Хотя, на мой взгляд их победа над межзвездными была не очевидна.

– Внутрисистемные полеты были известны еще со времен раннего освоения, но по-настоящему распространились с открытием двигателя космического асинхронного линейного магнитно-реактивного.

– «Кальмара», – выкрикнул кто-то с места.

– Наша звезда – Солнце, как и все прочие, постоянно выбрасывает в пространство вокруг себя ионизированные частицы, в основной гелиево-водородную плазму, поток таких частиц называется звездным ветром. Такую плазму и использует в качестве рабочего тела космический асинхронный линейный магнитно-реактивный двигатель известный как «Кальмар». С помощью мощного гравитационного поля, которое создают статор и ротор, с фронтальной стороны, поток звездного ветра захватывается и через концентратор направляется в камеру двигателя, разгоняется, создавая реактивный эффект на выходе с обратной стороны. Разогнан-

ная плазма может быть видна не вооруженным глазом. С развитием технологий, максимальная скорость, обеспеченная космическим асинхронным линейным магнитно-реактивным двигателем, составила 1200–1500 км/с.

Виолетта Степановна сделала паузу, цепким взглядом обвела аудиторию, подождала печатающих и продолжила:

– Занимательно, но наши океанические обитатели кальмары, подарившие имя данным двигателям, на самом деле, используют реактивный эффект для передвижения под водой. Они всасывают воду перед собой и, с силой выталкивая ее с обратной стороны, достигают таким образом скорости до 70 км/ч.

Алекс подумал, что подобное сокращение, «Кальмар» придумал по меньшей мере гений, так как постоянно выговаривать настолько дерьмовую чехарду не было совершенно никакого желания.

У нее была интересная, правильная методика преподавания. Она как бы непрерывно общалась с аудиторией, заставляла учащихся вовлекаться в процесс. Взмахом руки она заставила смениться картинку на крупном горизонтальном табло позади себя и дополнила информацию интересными фактами.

– Межзвездные полеты, также, были известны на заре космонавтики. Первые беспилотные исследовательские летательные аппараты были запущены еще в конце двадцатого века. Освоение межзвёздных полетов позволило Федера-

ции осваивать и колонизировать другие планеты, находящиеся вне солнечной системы. Прорыв в данной области произошел после открытия технологии по созданию так называемых кротовых нор – областей искривления пространства, многократно сокращающих расстояние между интересующими звездными системами. Летательные аппараты внутри таких кротовых нор могут достигать скоростей близких к скорости света вплоть до 290 000 км/с. Абсурдно, с точки зрения расстояний, однако, факт, что межзвёздные полеты занимают намного меньше времени в космических путешествиях, чем внутрисистемные.

Полтора часа в компании с Виолеттой Степановной пролетели практически незаметно.

Наши с Джимом и пути оставшейся группы разошлись и вместо полагающегося часа свободного времени в парке или проекционном зале, мы поспешили в штабной корпус, где за отдельным входом и парочкой стальных дверей расположились помещения нашей специальной группы. Согласно приказу нам нельзя было рассказывать остальным курсантам о том, чем мы занимаемся в рамках нового обучения, принято было говорить, что мы всего лишь углубленно изучаем естественные науки и на нас тестируют новую программу обучения, ничего интересного. Табличка перед дверью гласила, «служебное помещение, только для персонала». За дверью находилась всего одна небольшая комната, захламлённая непонятными вещами – каморка, но наступив

на скрытый люк в полу, срабатывала гидравлика, дверь люка поднималась, открывая ступеньки спуска, по которых можно было попасть в хорошо освещенный коридор с металлическими стенами.

Тогда, практически год назад, мы с моим однокурсником и одногруппником прошли серьезный конкурс, чтобы получить право быть здесь сейчас. Руководил группой лично полковник Теркин.

В нашей группе не было строгих специальностей как в остальной академии, только специализация, каждый из курсантов должен был иметь одинаковую разностороннюю, более интенсивную подготовку.

Мы прошли мимо стола Риточки Анатольевны, она занималась административными вопросами и была помощником руководителя, а также, следила за нашим расписанием. Все уже были на месте. Мы с Джимом проделали ежедневный ритуал отдавая честь и пожимая руки всем присутствующим. Полковник Теркин сидел в своем кабинете-аквариуме и что-то печатал, остальная группа занималась самоподготовкой.

Комната была очень просторной, не имела окон, но за то, целую стену занимал огромный гало-экран, транслирующий информацию для ознакомления всей группы. Две стеклянные перегородки отделяли от основного помещения переговорную с овальным столом и кабинет Теркина, также, по одной из стен имелся стальной шкаф с дверками, подписанными пофамильно. За этими дверками притаились персональ-

ные легкие боевые излучатели, огнестрельное оружие, оппозитная броня малого веса и специальное снаряжение. Дверки, естественно, нельзя было открыть любому встречному, они поддавались только руке хозяина шкафчик. Освещалась наша обитель холодным белым светом, излучаемым тонкими вольфрамовыми нитями, натянутыми под потолком подобно струнами. Кроме того, имелся санузел для мальчиков и девочек, отдельный душ, прачечное посещение со стиральной, шкаф с верхней одеждой и запасными комплектами брюк и кителей. Имелся запас консерв и питьевой воды. Учитывая то, что мы находились на глубине 15 метров и были окружены толстыми бетонными стенами, наше помещение легко отвечало требованиям бомбоубежища, имелся даже портативный генератор распада для автономного энергообеспечения и великолепная вентиляция со всевозможными фильтрами.

В отличии от остальных курсантов, нам не разрешалось покидать расположение академии без непосредственного приказа. Мы не могли взять увольнительную на выходные или отпуск, чтобы навестить семью, теперь только они могли приехать и провести в расположении Академии несколько часов. Чтобы поболтать с отцом про то, что нового и важного произошло нашей семье и мире с нашей последней встрече, послушать как сокрушается мама о том, что сильно скучает и вспомнить, что семья, она есть, а не только территория академии и бесконечные, одни и те же, набившие оскомину,

морды, приходилось ждать иногда по несколько месяцев.

Но у нас не было времени завидовать однокурсникам и скучать по кафе, кинотеатру, картингу и прочим развлечениям находившегося в нескольких километрах городка. Так как учились мы, не учился ещё никто. Была даже парочка приглашённых специалистов якобы для ведения факультативных занятий, которых предусмотрительно поселили в расположении академии под предлогом полного обеспечения жильем. На самом деле основной их задачей была организация регулярной программы для специальной группы курсантов, в состав которой я и входил. Помимо того, что занятия были намного чаще, их было больше, они были другими и также, проводились индивидуально только для нас в интерактивном формате. Было не просто, однако, курсанты специальной группы, как и водится в их возрасте поглощали огромное количество информации, превращая ее в знания и вырабатывая необходимые навыки.

Заключительным на сегодня, но новым занятием для нашей группы стало практическое пилотирование, нам было приказано явиться к одному из корпусов, где мы обнаружили нашего командира, стоящего рядом с не знакомым нам человеком.

– Разрешите представить, это Юрий, – сообщил он, указывая на среднего роста темноволосого мужчину с залысиной на голове и немного обескураженным выражением, навечно застывшем на лице, – Юрий, один из ведущих профессоров в

нашей академии и по совместительству новый администратор психопроекторного зала.

Он сомкнул руки за спиной.

– С сегодняшнего дня, – продолжал декламировать полковник, – Занятия по практическому пилотированию будут проходить, в том числе и посредством психопроекторов. Это новая технология и в большей степени может заменить фактические полеты за настоящими кораблями нежели сидение в эмуляторе с изображением на экране перед и вокруг вас. Курс раз в два дня по 4 часа.

Новоиспеченный администратор кивнул нам головой и предложил проследовать за ним, начал декламировать увлеченно размахивая руками:

– Знаете ребята, технология, заложенная в психопроекторе это совершенно удивительная вещь! У нее огромный потенциал! Видите ли, наш мозг непрерывно работает как огромная вычислительная машина, всегда и даже во сне. И во сне нам снится как мы ходим, разговариваем, делаем свою работу. Все это воспринимается абсолютно реальным, хотя фактически наше тело остается неподвижным, – он оглянулся как будто проверить идем ли мы следом и продолжил, – Ну так вот, мозг работает как вычислительная машина, он постоянно сортирует зрительную информацию. Например, мы видим яблоко, яблоко круглое, но яблоко относится еще и к красным вещам, а также фруктам и еде. Информация, попадая на сетчатку воспринимается как картинка, дальше

она отправляется в височную долю мозга. Если сравнивать с компьютером, то это оперативная память, а оттуда распределяется в соответствующие отделы. Параллельно этому процессу зрительные данные уходят в теменной отдел мозга, который фактически отвечает нам на вопросы «что это?» и «что с этим делать?». Мы видим яблоко, хотим его взять, хотим его откусить, хотим его жевать и глотать. На этапе, когда информация должна превратиться в действие, – он осекся после слова «превратиться» будто оно ему не понравилось или показалось не подходящим, и снова продолжил, – Мы можем на этом этапе вмешаться в этот процесс и «показать» мозгу что действие выполнено, как во сне. Это не очень сложно если разобраться в механике процесса, так как мозг, как и любой компьютер воспринимает информацию посредством кода. Такой код, помимо прямого изображения, мы транслируем через глазной нерв, сообщая мозгу другие не зрительные данные, данные нервной системы, обоняние, осязание, звуки и даже эмоциональный фон...

– Аркадий, теперь ты знаешь почему у твоей собаки лапы дрыгаются, когда она спит, снится ей что убегает от тебя. – оскалился Джим.

– Да-да – подхватил Вик шёпотом, – Гляди, чтобы твоя псина к этому профессору не попала, а то не известно, что он с ней сделает. Внушит что она твою ногу трахает так и помрет в счастье.

– Главное, чтобы Аркадию не внушили как его ногу соба-

ка без остановки трахает пока он не помрет.

Мы загоготали в голос, и только Аркашка вздохнул:

– Эх собачка моя, сто лет уже ее не видел.

Все заржали еще громче, но увлеченный профессор продолжал:

– Доказанный факт – люди с деформацией глазного яблока, у которых оно неправильной овальной формы, на самом деле видят круглые предметы как овальные. Такой человек видит футбольный мяч овальным, но мозг понимает мяч как предмет, имеющий форму идеального шара, и преобразует его в круглый. Это, господа курсанты, яркий пример того, как восприятие главенствует над фактической зрительной информацией.

Мы зашли в проекторный зал, который был абсолютно пуст. Юрий выдохнул, запыхавшись и вдохновенно scomандовал:

– Занимайте машины начиная с первой!

Впечатления занятие вызывало совершенно другие, не такое как ранее, психопроектор был способен транслировать не только объемную картинку полностью заменяющую реальность, но и мышечные усилия, разрабатывать скорость реакции и даже, за счет электростимуляции разных участков мозга, дарить реальные эмоции. Сравнить это можно было только с одним единственным самым первым полетом, состоявшимся еще на первом году, на настоящей машине, тогда с нами был инструктор – квалифицированный военный

пилот и этот полет шел строго по сценарию, а сейчас нас забрасывали в нестандартные ситуации, ставили интересные задачи по навигации... Компьютер имитировал нештатные ситуации, мы все в тот вечер испытали шок от переизбытка впечатлений. Несмотря на то, что всем нам проектор индивидуально транслировал свою программу, там, в виртуальности мы являлись одним звеном боевых летчиков и действовали как одно целое, слаженно выполняя задачи. Мы пикировали и заходили в клинч, занимались перехватом других кораблей атмосферного радиуса, сопровождали крупные крейсера на околоземной орбите, атаковали станции солнечной системы, уничтожали наземные цели и ещё много-много всего, для чего были предназначены занятия по тактике воздушного боя. Основы навигации, карательное вооружение и прочие дисциплины, наконец то они пригодились все враз, одновременно, они все обрели смысл и оправдали бездарно потраченное на лекциях время, бессонные ночи подготовки к сессиям, стрессы экзаменов, многочасовые переписывания конспектов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.